

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак¹²⁺

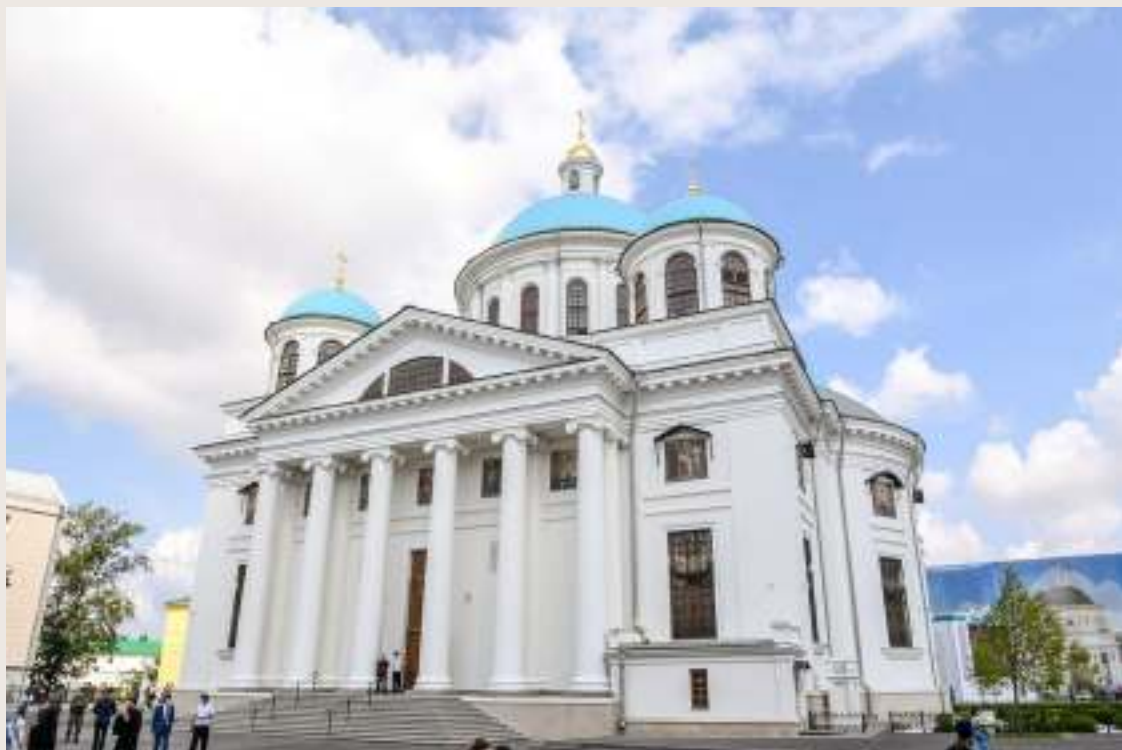
ТАТАРСТАН

№2 (34)

СЕНТЯБРЬ 2021

Освящение воссозданного собора Казанской Иконы Божией Матери
Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом
21 июля 2021 года

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(34) • СЕНТЯБРЬ • 2021

***Жаждающие новых территорий
Для бейсбола, регби или гольфа,
Почитайте парочку историй
Про Наполеона и Адольфа.
Поумерьте пыл парадной меди!
Отвечать за глупости придётся!
Не будите русского медведя –
Может быть, тогда и обойдётся...***

***Константин Фролов,
стр. 3***

СУДЬБЫ ЛИРИЧЕСКИЙ ПОДСТРОЧНИК

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтаю едва ли,
В душе вызревают стихи –
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» –
Не в силах унять изумленья.

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая выюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы.
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смиренье?» – спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати...

* * *

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем свете...» –
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!»

Что нам правила some time¹?
 Чувствуйте себя, как дома.
 И давайте поболтаем,
 Словно мы сто лет знакомы...»

Эх, девочки! Без обиды –
 Будь студенткой в скромном ситце,
 Джиной будь Лолобриджидой –
 Ты обречена влюбиться.

Будь ты королевой даже,
 Позабудешь про приличья.
 Станет протокол неважен
 И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любая
 Ощущает поневоле,
 Долю бабью забывая,
 Королевой и звездой!

Но ему опять неймётся...
 Озаряя мир улыбкой,
 Он взлетит навстречу солнцу
 И – попробуй, удержи-ка!

* * *

Словоблудием, лестью, обманом
 Безо всякого чувства вины
 Рассовали страну по карманам...
 Вот и нету великой страны!

Пошлый фарс претендует на драму:
 Что ни мразь, что ни грязь – светлый князь.
 И, похоже, что главненький самый
 Со стыдом не знаком отродясь.

Закрома разменяв на карманы
 И на центы – родные рубли,
 Меж Зимбабве и Ганой-Гвианой
 Суверенный покой обрели.

Аль не нравится вам, раздолбай,
 Инфернальное это кино?..
 А страна-то, страна-то какая?
 Украина, вестимо оно!

* * *

Никого-то я не порицаю.
 Никого-то не хочу свергать,
 Будь то депутаты, полицаи
 Али олигархов сдобных рать.

Под портретом ветерана-деда
 С десятиэтажной высоты
 Я смотрю, как топчут Флаг Победы,
 Разгоняя митинги, менты.

Не сдаётся мой народ отважный:
 Этот гнев так долго зрел в душе!
 Мат отборный десятиэтажный
 Слышен на десятом этаже.

Для врагов он был недобрым знаком –
 Русский мат, что древностью рождён...
 С ним вставал в последнюю атаку
 Дедовский десантный батальон!

Русским людям он от веку нужен –
 Русский мат, поскольку без проблем
 Он, за неимением оружия,
 Заменяет даже АКМ!

ИСТИНА ШУКШИНА

Мы все – немного чудики.
 А ты у нас – один!
 Нам истину на блюбочке,
 Преподнеси, Шукшин!

Она, по-русски ёмкая,
 Необходима нам.
 И с голубой каёмкою,
 Конечно, по краям.

Её ты в муках выстрадал,
 Когда ночей не спал.

¹ sometime – иногда (англ.)

Но неподкупной истины
Язвителен оскал.

В порыве откровения
Ты нам её изрек
В угрюмом окаймлении
Сибирских вольных рек.

Пока молчим растерянно,
Над ней глумится враг...
Подарена... Потеряна!..
А без неё – никак!

* * *

В изысканном корейском ресторане
На закуску закажу себе селёдки...
О родине, потерянной в изгнание,
Мы говорим за стопкой русской водки.

Забуть про неприкаянность надеясь,
Мы вопреки политкорректной скуке
Тоскуем о прабабушке Корею,
Которая сама с собой в разлуке.

Всё это сколь почётно, столь печально.
Чем дальше, тем страшней,
как в старой сказке –
Держать удар меж русской наковальней
И молотом надменным самурайским.

Как вольный ветер, по миру скитаться,
Но всё ж заветы прадедов лелеять.
В горниле роковых репатриаций
Надеяться, любить, бороться, верить...

Ты, мой народ, цены себе не знаешь!..
Упрятанный в напевы Арирана,
Великодушьем русским укрощаешь
Змеиный холодок меча-катана.

Хотя и нет тебя исповедальней,
Но разгадать тебя поди-попробуй –
Сроднившийся с российской наковальней
Народ корейской –
самой прочной! – пробы.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,

Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубяся.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам – повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, степенный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь – опасное искусство –
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень –
очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы – по золоту ступаем,
Ещё навзрыд не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
 Душе поэта света и тепла,
 Чтоб эту беспросветную награду
 Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
 Степных небес венчальный окоём.
 Горит судьбы лирический подстрочник
 Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Россия окаянная,
 Себе же на беду –
 У рьяного Ульянова
 Идёшь на поводу.

Лентяя он не празднует –
 Нежданный этот гость.
 Наивная напраслина –
 Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
 Он жалости неймёт.
 Последнюю коровушку
 С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
 Хоть рублена с плеча.
 Братоубийства болести
 Молитвою леча.

Дороженьку унылую
 Протопчешь на погост.
 Зато увидишь, милая,
 Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Неугомонная семейка
 На волжских продувных ветрах –
 Обшаровка, Барыш, Налейка
 Продулись нынче в пух и прах.

Они кого обшарить – знали,
 Наклад перевода в барыш.
 Чужого-лишнего не брали,
 А что положено – шалишь!

По Волге правили дорогу,
 Песнь заводя в глухой тоске.

Пошаливали понемногу
 По вольной матушке-реке.

И, обходя в дороге мели –
 Взметали парус в небосвод.
 Княжну персидскую жалели,
 Что скинул Стенька в бездну вод.

Но стоило мне согласиться –
 Такой-разэтакий Степан,
 Как начинали вдруг коситься:
 «Цыц, женщина Диана Кан!»

Плесни и мне, Налейка, что ли,
 Винца, аль я здесь не своя?!..
 Я с теми пью, кто выбрал волю
 На перекрёстках бытия.

Кто Волгу-матушку прославил,
 Как гулеван-казак Степан,
 Кто дважды с братьянами грабил
 Один и тот же караван.

Я пью за тех, чьё слово метко,
 За тех, кто встречу идти посмел,
 Кто правил по народным меркам
 Родимый волжский беспредел.

А на вопрос: «Где клад заветный,
 Что в Жигулях сховал Степан?..»
 Считал единственным ответом
 Кровавый месяц-ятаган.

* * *

Презрев баллады, саги, оды
 И обездоленную Русь,
 Штудирую гражданский кодекс
 Не абы как, а – наизусть!

Сутяжники и кверулянты
 Его толкуют вкривь и вкось –
 Все те, кто обделён талантом
 И на талант лелеют злость.

Живи на свете, как угодно.
 Будь вдохновен и знаменит.
 Но помни – их гражданский кодекс
 Тебе презренья не простит.

Изображая неподкупность,
Разводят толки за спиной –
Толкут гнилую воду в ступе
За неимением ключевой.

Судилища да пересуды
Среди излюбленных утех.
Христами мнят себя Иуды,
Шалавы порицают грех.

Здесь я прошла злословья школу
Вживую – вовсе не из книг...
«Подонки!» – крикну для прикола.
Все обернутся в тот же миг!

* * *

Дурак дурака видит издалека.
Вор видит вора, поэт прозревает поэта.
Бездарь на бездаря не поглядит свысока...
Видим друг друга
по непостижимым приметам.

Воры при деле и бездари все при чинах.
Мерзость, в причины которой
не стану вдаваться.
Ну, а собратья-поэты витают
в заоблачных снах,
Чуждые скрипу нотаций и звону овец.

Светский приём
или великосветский сходняк –
Не изменить место встречи поэтов в России.
Вновь мы встречаемся
не абы с кем абы как –
А потому что сюда нас с тобой пригласили.

Богopodobие – самый священный закон
В мире, где люди, любя, убивают друг друга.
Льют покаянные слёзы у кровоточащих икон,
Не покидая при этом порочного
страшного круга.

Вечной поэзии вещей горячечный бред
Нам повествует об этом всё тише и горше...
Из целой толпы чужих я узнаю тебя, поэт,
И ты улыбнёшься ответно мне,
как заговорщик.

* * *

Под грохот тотальной разрухи,
Под визг подзаборных сюит
Хип-хоп одинокой старухи
Особо пикантно звучит.

Под вопли хмельных президентов,
Ведущих страну на убой,
Без слёз и пустых сантиментов
Давай обойдёмся, друг мой!

Обходимся ж мы без свободы,
Без Родины и без любви,
Всё это тупые уроды
Отжать у нас с маху смогли!

Ведь слушали ж мы благосклонно
(За что нам прощения нет!)
Их вау-черизационный
Похмельно неистовый бред!

Ужель добродетельный пафос –
Единственная из отряд,
Пока они водят нас за нос
Три десятилетия подряд?

Старуха с тоской переходит
С сюиты на смачный хип-хоп...
В подземном пустом переходе
Нечасто народ подаёт...

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифму и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.

И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

* * *

Нине Анатольевне Жирковой

Когда бы про столичность ни спросили,
Я вспоминаю вовсе не Москву!
Столицей вдохновения России
Я пушкинское Болдино зову.

В каком бы веке, возрасте и чине
Сюда я ни приехала опять,
Я босиком по рощице Лучинник
Люблю, подобно Пушкину, гулять.

В той роще, как поэт непредсказуем,
К моим устам таинственно приник,
Меня сжигая страстным поцелуем,
Кипящий, как Кастальский ключ, родник.

Нет-нет, не надо пафоса о вечном!
О вечном, право, лучше помолчать...
Но здесь я в каждом
встречном-поперечном
Всегда готова Пушкина узнать.

Ведь разве равнодушным мог остаться
К девчатам здешним, коих краше нет,
Дававший фору записным красавцам
Любвеобильный солнечный поэт?

Здесь, в Болдино, такие царь-девицы
На улицах встречаются порой,

Что разом забываешь про столицы,
И все столицы кажутся — дырой!

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрузит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

* * *

*Светлой памяти поэта-фронтовика
Ильи Семёновича Павлова*

Не дезертиров, не вредителей —
В России судят победителей.
В патриотическом поту
Анафематствуем: «Ату!»

Ату их, бравших Будапешт,
Тупое скопище невежд.

Без них мы б пиво пить могли —
Баварское, не Жигули!

Он Зальцбург брал, он брал Берлин!
Не фронтовик, а сукин сын.
О внуках разве думал он,
Подняв в атаку батальон?

Он, бравший Секеш-вехер-вар,
Всех нас подставил под удар.
С тех пор ни внук его, ни сын
Не знают вкус венгерских вин.

Но не могли шепнуть «ату»
Тому, кто брал Алма-ату.
И кто на штык освоить мог
Заветный тыловой паёк.

Прощать уродов не впервой.
Прости меня, мой дед-герой.
Цивилизованно живём.
Баварское в России пьём.

Но что-то, братцы, без обид —
С баварского меня мутит.
И как то тянется рука
К холодной трезвости курка.

ГЛАЗЫНЬКИ САМУРАЙСКИЕ

Послесловие к стихам Дианы Кан

В современной русской поэзии минувшие полтора десятка лет отчётливо связаны с именем Дианы Кан. Лирика и гражданские стихи, миф и жёсткая инвектива — все эти формы органичны для художественного дарования поэтессы. Её интонации меняются от проникновенно мягких до саркастических, а лирический сюжет вполне может включать в свои пределы надмирное созерцание и геополитику.

Способность к строгой поэтической речи парадоксально соединена у Дианы Кан с чувством воли, берущим начало в русском фольклоре. Её слово порой отличается волшебной детскостью — так ребёнок переливает смыслы из одного звучания в другое, соединяет несоединимое, чувствует себя хозяином произносимых имён и определений.

В поэзии Кан есть широта охвата русской жизни, поразительный спектр сюжетов, множество характеров людей, которые однажды встретились автору, попали в стихи и остались в них образами — художественно ясными и живыми. Жизнелюбие, твёрдость характера её лирической героини удивительны на фоне того плача о «погибели русской земли», что длится до сих пор в отечественной поэзии с начала 90-х годов.

Историзм — скрытая черта многих произведений Дианы Кан. Время от времени он проявляется в видимых формах — как, например, в стихах о Табынской иконе Божьей Матери или о волжских атаманах. Но прежде всего — пронизывает все без исключения поэтические размышления автора о судьбах России. Так сложилось, что поэтесса с азиатским разрезом глаз впитала в свою душу огромное сюжетное и интонационное богатство русской жизни. Универсальность её взгляда на происходящее вокруг, при очень личном оттенке речи, как правило, оценивается позже — когда стихи звучат в памяти, когда реальность

машинально называется по её строке, когда другой человек плавно вписывается в её характеристику, которая, оказывается, вмещает в себя очень многих.

При очевидной склонности к лирике, у Дианы Кан очень заметно глубокое дыхание, которое мы привыкли находить в эпических произведениях. Двадцатый век, разбивший множество судеб, склонил русскую поэзию к фрагментарности, «осколочности» поэтического высказывания. В полной мере, возможно, только Юрий Кузнецов в своих поэмах о Христе дал современной русской литературе парадоксальный образец эпического жанра. Но у него уже сама авторская речь была умягчена лирикой, и это драгоценное соединение большого с малым есть замечательное достижение поэта.

У Дианы Кан нет больших поэм, она не стремится воплотить какую-либо важную тему в пространной литературной форме. Однако свод её стихотворений о родине, кажется, выдохнула грудь самой русской земли — столь велики пространство и время, что укрыты словами поэтессы, будто невесомой и прозрачной тканью, под которой видны горы и бездны, одиночество и единство, покой и стремительное движение.

Её отношения с Богом в очень малой степени выплещиваются в стихи, в которых нет громких «православных» деклараций. Но есть тихое упование на милосердие и смирение, в которых небо соединяется с землёй. Не однажды поэтесса упоминала русское родовое начало, для неё — это важнейшая опора отечественной культуры. Соединяя чувство рода с интуитивным переживанием правды, которое на Руси в последнее тысячелетие связано со Спасителем, она являет собой пример русского человека в единстве его противоречий и жажды справедливости.

Невозможно заранее представить, какая тема в самых общих чертах явит себя в стихотворениях Дианы Кан. Непредсказуемость, столь важное качество для поэта, в её случае оказывается органической чертой творчества. Все книги Кан, от первых небольших сборников до последних по времени объёмных изданий, сохраняют главные линии её поэзии. Однако любая новая вещь почти всегда у неё читается как первая в тематическом ряду.

Между тем, существует ещё одно измерение этого имени. Не перечислить молодых поэтов, которым Диана Кан так или иначе помогла обрести себя. В эпоху, когда нарушены взаимные творческие связи, Союз писателей России ослаблен целым рядом организационных проблем, она стала своеобразным центром, в котором объединяются самые разные дарования, налаживаются журнальные связи. Постепенно — месяц за месяцем, год за годом — создаётся поле горизонтального взаимодействия творческих сил русских поэтов и прозаиков. И сегодня уже многие известные литераторы могут сказать о ней с сердечной теплотой: «Наша Диана!»

Принято считать, что у неё трудный характер и вспыльчивый нрав. Очень часто такая характеристика, кажется, отодвигает в сторону её поэзию. Однако способность к состраданию и отходчивая душа удивительным образом перекликаются со строками Дианы Кан, подтверждают их человечески, лично. И делают её стихи достоверными, незримо совмещая литературу с жизнью — как бы далеко друг от друга они не отстояли в наше горькое для правды и таланта время.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
*руководитель секции критики
Союза писателей России*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргмак

ТАТАРСТАН

Учредитель

АО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Н.бережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Н.бережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:

8-966-380-04-00

Ларин Ксения Владимировна

Подписано в печать 15.07.2021 г.

Дата выхода в свет 20.08.2021 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 1000 экз.

Зкз

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинала
в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргмак Татарстан» можно познаться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru, в соцсетях, в «Журнальном зале» и эссе-клуб «НООБИБЛИОН».

Рукописи принимаются по адресу: anp45@mail.ru. Желательны фотографии и краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в журнале. Ответственность за достоверность информации несут вторичные источники. Мнения вторых могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргмак Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обратитесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

Викентий ЛУКИЯНОВ. «ВЕЧЕР НА КАМЕ», х.м., 50×60